

ШАРЖИ

МАСТЕРА
СМЕХА
ИЗ
МОЕГО
ЦЕХА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА 1970

МАСТЕРА
СОВЕТСКОЙ
КАРИКАТУРЫ

ИГИН

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ
НА ХУДОЖНИКОВ, ПОЭТОВ,
ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ ЖУРНАЛА КРОКОДИЛ
А ТАКЖЕ
МИНИ-АВТОБИОГРАФИИ
УПОМЯНУТЫХ
ХУДОЖНИКОВ, ПОЭТОВ, ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ

АЛЬБОМ
КРОКОДИЛА

Не подумайте ничего плохого, но Иосиф Игин родился в 1910 году в гор. Пропойске. Без ходатайства Игина, но к большому его удовольствию впоследствии Пропойск переименовали в Славгород. Это было во время Великой Отечественной войны, в которой Игин принимал уча-

стие, вооруженный автоматом, как старший лейтенант, и кистью, как художник.

Однако и до этого с ним кое-что случалось. Например, он окончил педагогическое отделение художественного техникума в Ленинграде и полиграфический институт в Москве. Таким образом, теперь ясно, кто отвечает за его образование и культуру. Кстати, к культуре Игина тянет с давних пор. Он даже преподавал детям рисование не где-нибудь, а в Центральном парке культуры и отдыха, где и сделал зарисовку приехавшего в Москву Бернарда Шоу. Зарисовка очень смахивала на шарж. Художника это обезопасило на всю жизнь: если Шоу не обиделся, то и всем остальным не следует. Тем более, что Шоу этого шаржа не видел. Чуть позже Игин сделал шарж на Хозе Рауля Капабланку, когда тот давал сеанс одновременной игры в Ленинградском Доме печати. Капабланка на Игина не обиделся. Он тоже шаржа не видел. Но за этот шарж Игин получил свой первый гонорар, что, видимо, ему понравилось, и с тех пор...

Более тысячи шаржей на современников опубликовано в периодической печати. Восемнадцать его альбомов выпустили московские и ленинградские издательства. В них обычно игинские шаржи сопровож-

даются эпиграммами. Михаил Светлов, Эмиль Кроткий, Александр Безыменский, Сергей Смирнов и другие работали с Игиным не за страх, а за совесть. В последние годы их всех вытеснили два Александра — сначала Рейжевский, а потом и Иванов. Теперь они вдвоем никого из эпиграмматистов к Игину и близко не подпускают.

Альбом «Мастера смеха из моего цеха» — вещественное тому доказательство.

Список героев этого альбома взят в отделе кадров Крокодила. Сорок фельетонистов, художников и сатирических поэтов предстанут перед читателем в своем истинном виде. И, конечно же, не обидятся. Потому что Игин — художник добрый. Просто он видит человека не с той точки, с которой человек видит себя сам. Он видит человека с той точки, с которой этого человека видят все остальные. Всмотритесь повнимательней в эти шаржи, и вы увидите, что Игин действительно любит людей. Правда, говорят, что любовь слепа... Посмотрите еще раз, и вы убедитесь, что это неправда.

А что касается обид, то они все-таки будут. Со стороны тех талантливых людей, которые не попали в эту книжку. Но им отчаиваться нечего. Игин рисует ежедневно. Без выходных.

А

Да, да, это было именно 45 лет тому назад. В апреле 1925 года я впервые вошел в редакцию «Крокодила», которая тогда помещалась в здании «Рабочей газеты». В ныне не существующем здании в Охотном ряду (угол Тверской улицы) на третьем этаже три комнаты отведены были сатирическому еженедельнику.

Я имел за плечами следующие достижения: уже два года сотрудничал в «Красном перце» — втором нашем журнале. Вместе с группой литераторов и художников «Красного перца» принял участие в организации Московского театра сатиры. Там шла моя первая одноактная пьеса, написанная совместно с В. Массом, — «Именинница».

И тем не менее я волновался. Принял меня худенький молодой человек небольшого роста с огненно-рыжими волосами и хохолком над самым лбом. То был Василий Иванович Лебедев-Кумач, впоследствии ставший знаменитым поэтом-песенником. Лебедев-Кумач любезно усадил меня рядом с собою, взял рукопись, прочитал с улыбкой и сказал:

— Это пойдет! А еще что думаете нам дать?

И, как говорится, пошло... И пошло. Вот уж сорок шестой год, как оно «идет»...

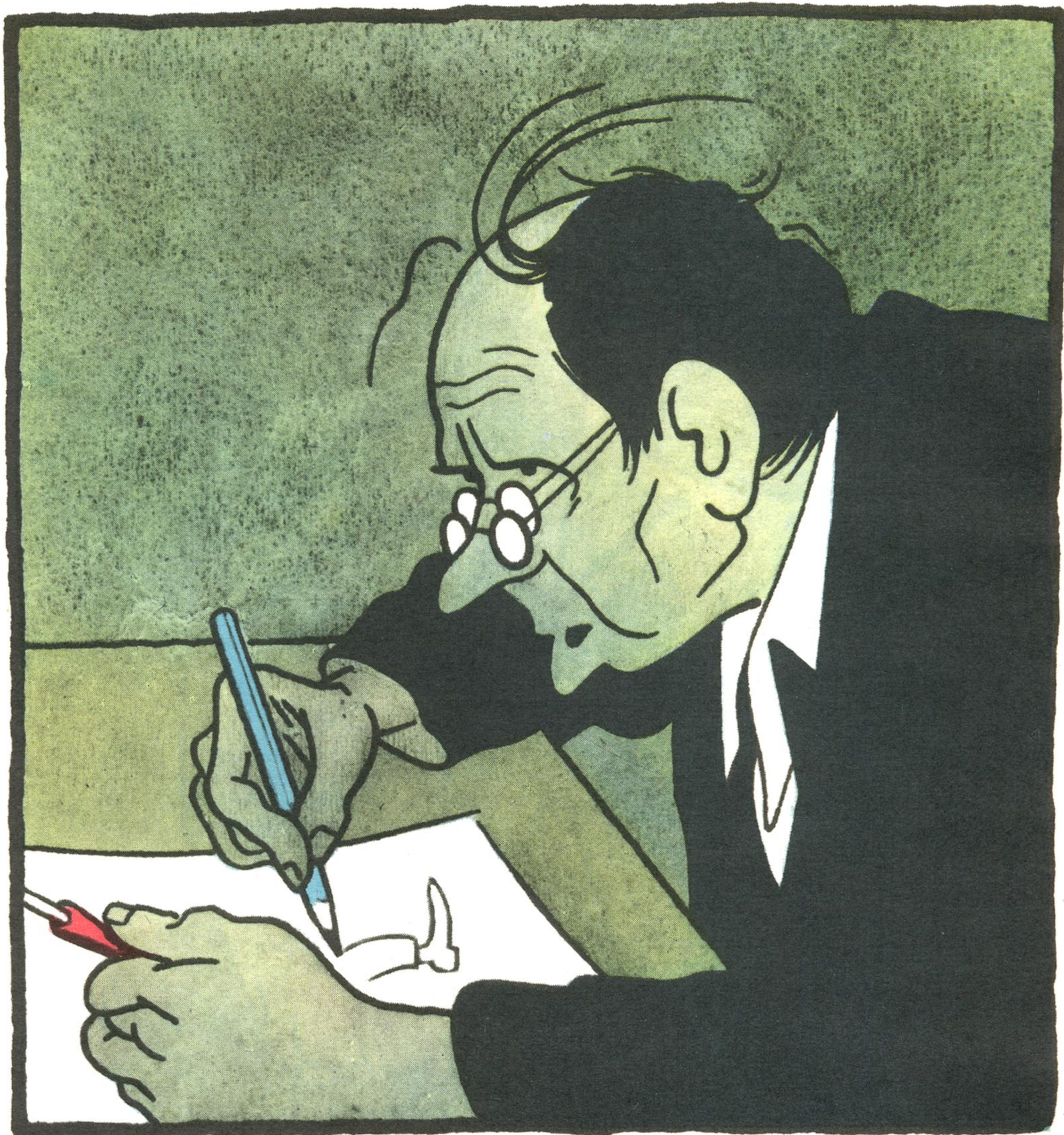
В. АРДОВ

Его героев нам не счесть,
Пока на свете ЖЭКи есть.

Б

В 1927 (кажется) году я прочел в «Крокодиле» объявление о конкурсе карикатуристов. В ту пору я много рисовал для стенгазет и потому рискнул отнести три рисунка на конкурс. Все три были напечатаны, я получил третью премию и был приглашен сотрудничать в журнале. Сначала по скромности я выступал под псевдонимом «Сашка». Очень скоро я ее утратил (не помню, при каких обстоятельствах) и стал подписываться своей фамилией: А. БАЖЕНОВ.

А. БАЖЕНОВ

Тратит он усилия
Очень основательно.
При такой фамилии
Имя обязательно.

Я помню чудное мгновенье...
 Это было давно, почти в са-
 мом начале существования
 журнала «Крокодил».
 Я впервые принес в редак-
 цию сатирическое стихотво-
 рение. Редактор прочел его
 и вымолвил:

— В набор!

С той поры я в течение мно-
 гих десятилетий продолжаю
 печататься в «Крокодиле» и
 очень этим горжусь.

Имея теперь (кроме эпоса и
 лирики) три издания тол-
 стенной «Книги Сатиры» и
 пять книжек приложений к
 журналу «Крокодил», я не
 нахожу сегодня лучшего сю-
 жета, чем воспоминания о
 многократно повторенной
 редакторами журнала фор-
 муле:

— В набор!

Это воистину чудное мгно-
 венье...

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

С запасом эпиграмм своих
 Поэт живет, не унывая.
 И кажется, он пишет их,
 Как бы змеяся и играя.

Ю. БЛАГОВ

Он легкий жанр обогащает,
Хотя заметно облегчает.
Сие не повод для укола:
Что делать! Цирковая школа!

Б

Впервые я напечатался в «Крокодиле» (страшно сказать!) в 1939 г. Я был тогда актером Куйбышевской филармонии, пописывал фельетоны, куплеты, юморески, иногда посылая их в московские журналы. Обычно мне их возвращали, сопровождая пожеланием «дальнейших успехов» или ограничиваясь «товарищеским приветом».

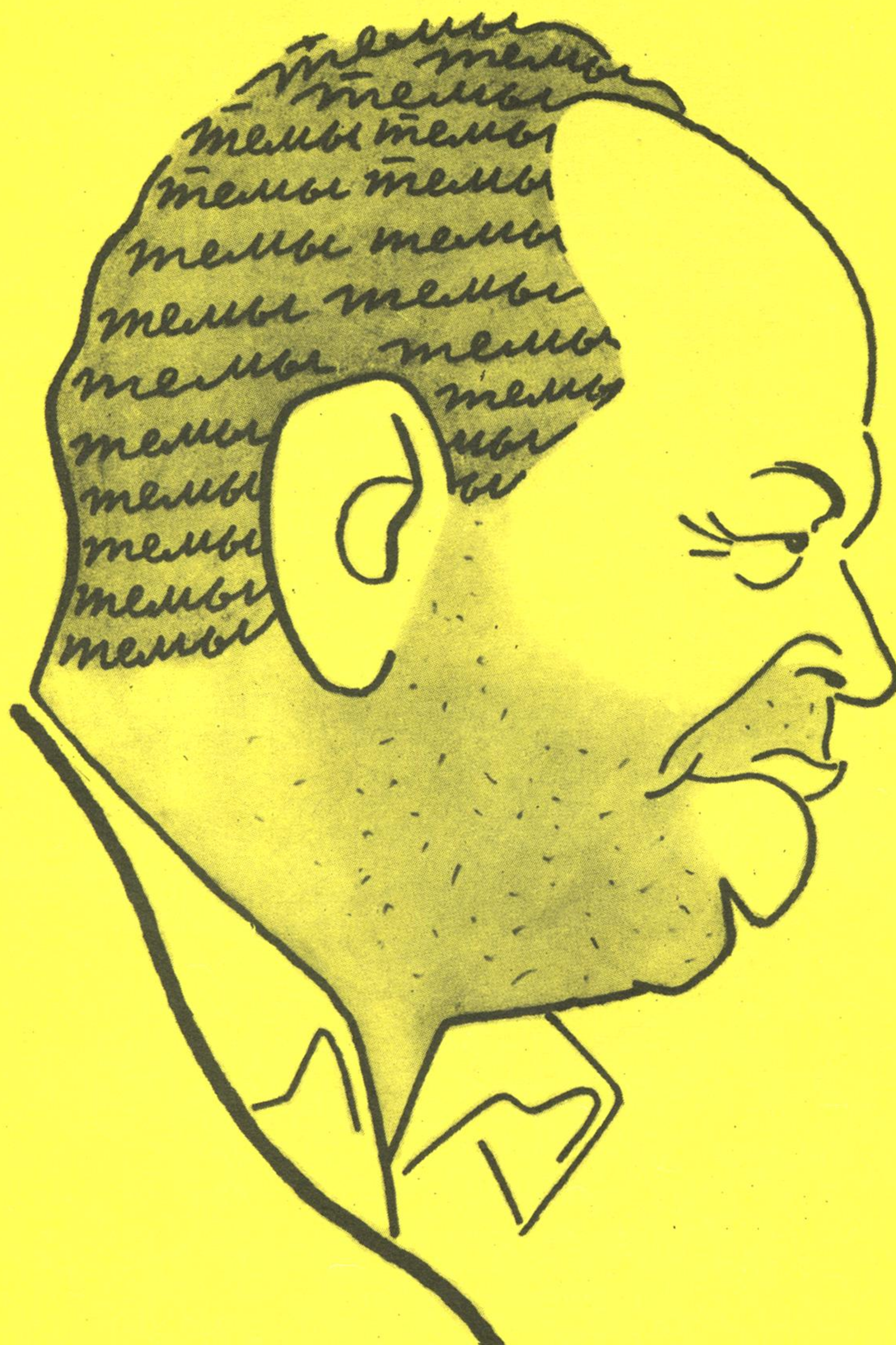
Но вот, будучи проездом в Москве, я отважился позвонить в «Крокодил». Меня попросили приехать в редакцию...

— Стихи плохие! — сказал секретарь Е. Ефремов. — Но печатать будем.

Оказывается, к Международному юношескому дню стихов в редакции не было, и мои попали «в тему». И хотя из семи юморесок пошло три, название изменилось, вместо «Юрий» стояло «Ю.», к тому же не сверху, а снизу — все равно день, когда я раскрыл этот номер, был для меня счастливейшим... Теперь у меня двадцать книг, пишу я в разные издания, но самыми дорогими считаю публикации «Крокодила», который как-никак сделал меня литератором. Правда, я до сих пор не могу понять, какая фраза лучше: та, которую услышал более тридцати лет назад, или та, которую слышу сегодня: — Стихи хорошие! Но печатать не будем. На эту тему у нас уже есть...

Не успел я родиться, как мне уже стукнуло пятьдесят. Только-только — в 1948 году — был самым молодым крокодилцем и — стал ветераном. Стоило только мне начать свою биографию, как уже говорят: «Закругляйся!»

М. ВАЙСБОРД

Известный автор тем
Рисует между тем.

В

Как и когда впервые мое грешное имя попало на страницы «Крокодила»? И в каком качестве: в виде мишени или в роли стрелка по ней? Случилось это примечательное событие летом 1934 года. Я раскрыл юбилейный номер журнала, посвященный А. П. Чехову, и увидел заметку под названием «Чехов о советских писателях».

Вот некоторые из чеховских определений:

Владимир Ставский — «ПЕРСОНА».

Вера Инбер — «ДАМА С СОБАЧКОЙ».

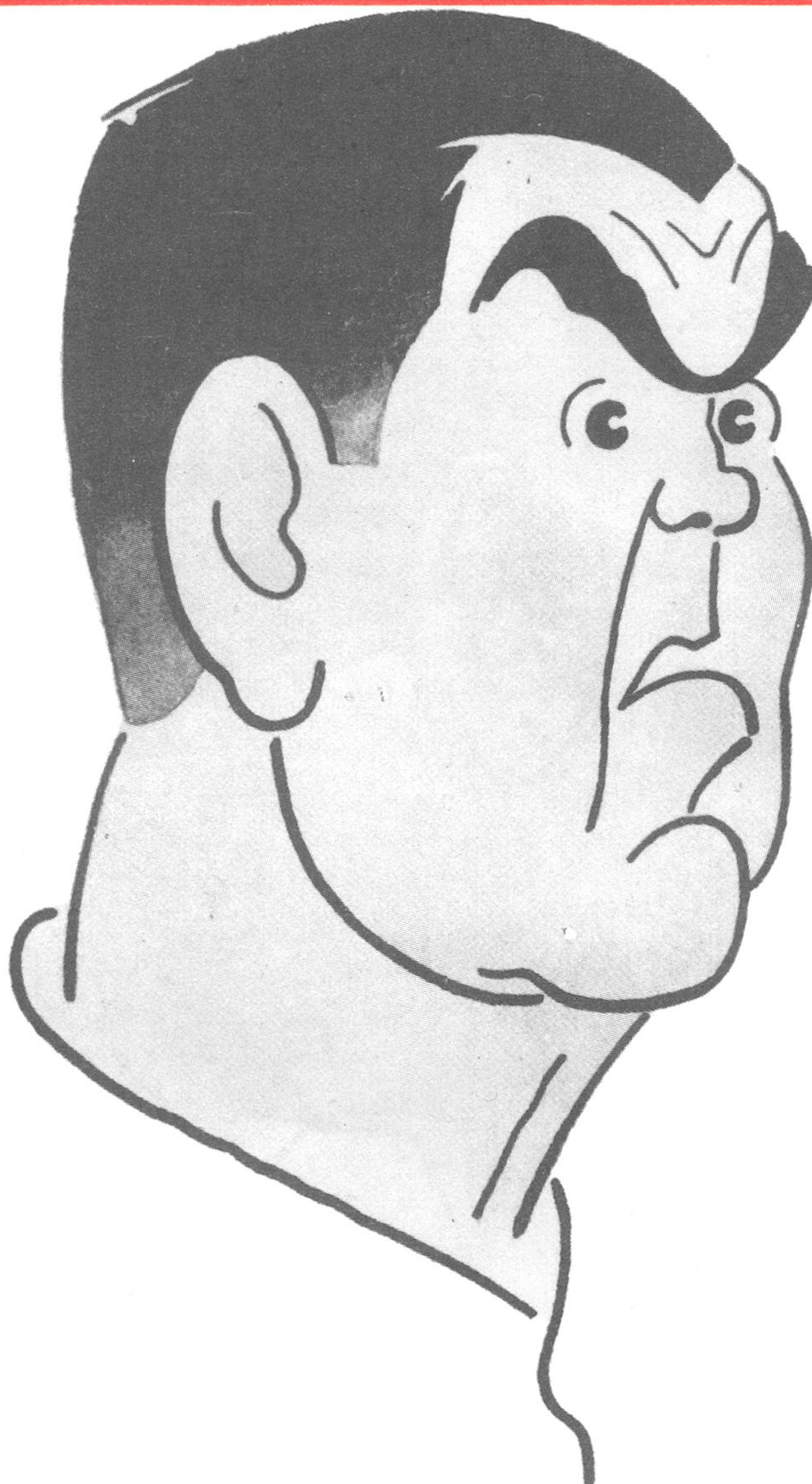
Сергей Васильев и Павел Васильев — «СВИСТУНЫ».

Сначала я, конечно, обиделся, но, поразмыслив, возгордился: в такой компании пусть хоть шваброй называют!

А тут вскоре я наряду с писанием стихов начал заниматься имитацией писательских голосов, подражанием чужой манере ходить, жестикулировать и т. д., то есть делать все то, из чего позднее отпочковались литературные пародии. Самые первые из них были опубликованы в «Крокодиле».

И до Отечественной войны и после нее я напечатал в «Крокодиле» изрядное количество сатирических стихотворений и был уже благополучно введен в состав редколлегии «Крокодила», из которой, впрочем, не менее благополучно был выведен. Главным образом из-за лени, как мне затем разъяснили понимающие люди.

Однако это прискорбное обстоятельство не помешало мне издать в Библиотеке «Крокодила» полдюжины озорных книжек.

С. ВАСИЛЬЕВ

*Многим портит аппетит
Пародийный стиль его.
Он в пародиях щадит
Только С. Васильева.*

В

1918 года рождения. Рисую
с 1922 года, в «Крокодиле» —
с 1939 года. Телевизора не
имею и не болею за футбол.

Е. ВЕДЕРНИКОВ

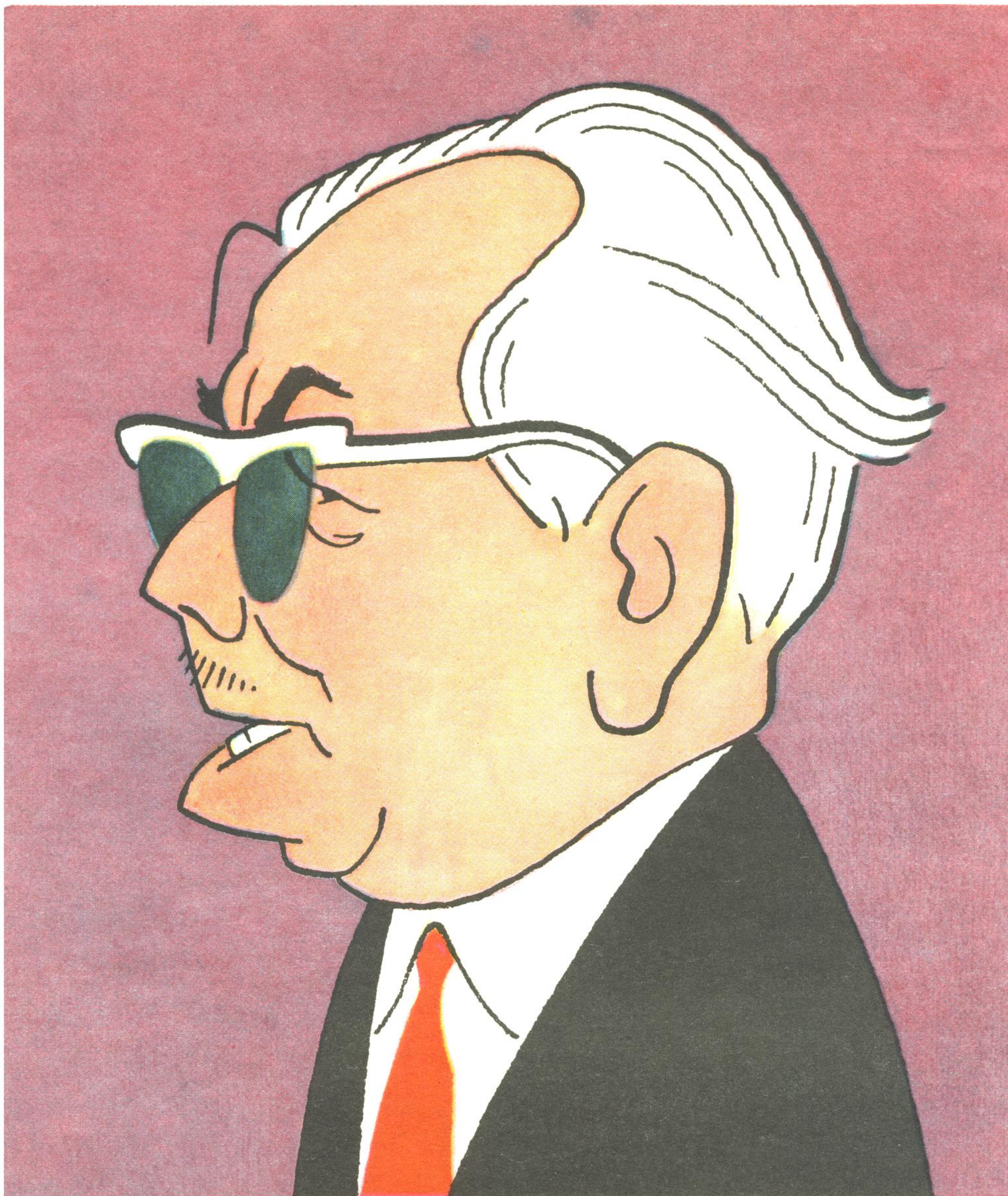
Доказать весьма несложно
По журнальному листу—
Выполняет план художник
По рогатому скоту.

Г

Мои родители мечтали, чтобы я стал адвокатом. Не желая их огорчать, я потерял четыре лучших года моей жизни на юридическом факультете. За это время понял, что, во-первых, хочу не защищать, а обвинять. Во-вторых, что меня не устраивает возня с мелкими уголовниками. Взявшись за кисть и карандаш, я занялся преступниками высшей категории.

За пятьдесят лет работы (из них сорок шесть лет в «Крокодиле») моими клиентами были как отдельные лица (Деникин, Врангель, Пуанкаре, Гитлер, фон Тадден и др.), так и целые организации (СС, НДП, Коза-ностра, Ку-клукс-клан, Пентагон и т. п.).

Ю. ГАНФ

*Международный капитал
Симпатий к Ганфу не питает,
Зато сюжетами питал
И до сих пор еще питает.*

А. ГОЛУБ

Он подонков и воров
ПриГОЛУБит — будь здоров!

Г

Должен признаться, что мне это удалось не без усилий. Я написал фельетон, называвшийся «Тяжелый жребий», и явился с ним в редакцию «Крокодила». В то время как я, никем не замечаемый, в нерешительности топтался перед дверями кабинетов, группа сотрудников тащила по коридору огромный книжный шкаф.

— Слушай, старик! — окликнул меня один из тащивших, оказавшийся, как выяснилось впоследствии, заместителем редактора отдела, — ты лучше подмогни нам, вместо того чтобы слоняться без дела!

Обрадованный неожиданным вниманием, я с готовностью подставил свое плечо, и шкаф был мигом водворен на место. Не теряя времени, я вытащил из кармана «Тяжелый жребий», но мои компаньоны, не обращая на меня внимания, уже разбрелись по кабинетам.

Так закончился мой дебют. Когда я явился в редакцию во второй раз, мои будущие коллеги, кряхтя и извиваясь от натуги, поднимали на второй этаж стальной неогороемый шкаф.

— Давай, старик! — увидев меня, закричали они хором. — Хватит! — категорически заявил я. — Не тронусь с места до тех пор, пока вы не прочитаете мой фельетон!

— Ладно, — сказал заместитель главного, — давай сюда свой бред...

На следующий день я был зачислен в штат. Специальным корреспондентом, а не грузчиком.

С тех пор я работаю в журнале. Когда надо что-либо перетащить или передвинуть, все обращаются за помощью ко мне.

В перерывах между поднятием тяжестей пишу фельетоны.

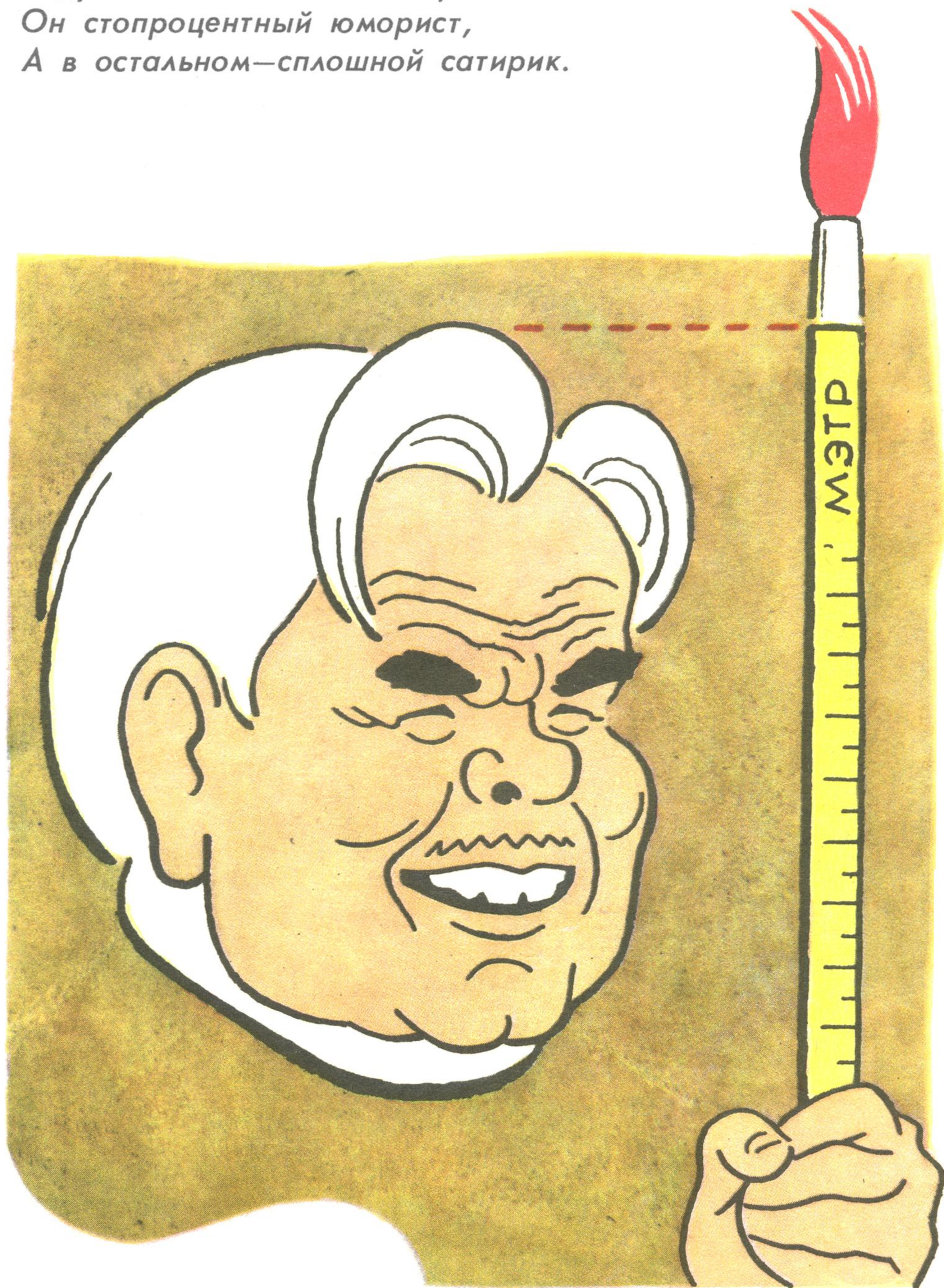

В. ГОРЯЕВ

Упрямо просится на лист
В душе возникший панегирик:
Он стопроцентный юморист,
А в остальном — сплошной сатирик.

Г

Родился в Сибири, в городе Чите. С детства мечтал о путешествиях и скитальческой жизни. Поскитался немало и пробовал всякое: был воздушным акробатом, танцевал в оперетте, добился известных спортивных успехов в прыжках — в высоту. Теперь же, когда во мне сто килограммов, от земли не отрываюсь. Двигаюсь только от рисунка в газете — к карикатуре в журнале и далее — к иллюстрациям в книге. Чувствую себя в отличной спортивной форме, наверно, благодаря тому, что вот уже 33 года сотрудничаю в «Крокодиле».

Д

Скажу прямо: я очень люблю маленьких детей, но зато терпеть не могу подхалимов. Я написал более 300 рассказов, я был токарем по металлу, лодочником, я бы хотел поработать, как выйду на пенсию, бакенщиком. Я люблю с ребятами бегать в «казаки-разбойники». А родился я в 1913 году. Глаза карие, рост — 170, вес — 93 кило. Мое хобби — журнал «Крокодил». Началось это в 1953 году и продолжается до сих пор.

В. ДРАГУНСКИЙ

*Известны нам его таланты,
Ему несвойственны описки.
С успехом пишет он диктанты
Под наблюдением Дениски.*

А. ЕЛИСЕЕВ, М. СКОБЕЛЕВ

*Индивидуальность их видна,
Хоть и на двоих всего одна.*

Ес

Мы начали работать вместе, еще учась в Московском полиграфическом институте. И каждый раз, обсуждая новый рисунок, мы быстро переходили на личности. Врожденная воспитанность, а главное, равенство сил не позволяли нам отстаивать свою точку зрения физически. Поэтому мы рисовали друг на друга карикатуры с каждым днем все изощреннее.

Не знаем, чем бы все это кончилось, если бы в 1958 году наш друг Ю. Федоров (дай бог ему здоровья) не подал нам совет:

— А что, ребятки, если вы будете более разумно расходовать ваш сарказм? Ну, скажем, попробуете рисовать для «Крокодила»? С тех пор жизнь пошла другая.

Е

Б. ЕФИМОВ

*Нас всегда поражает и не раз поразит:
Нарисует врага он—как мечом поразит!*

Это может показаться неправдоподобным, но я начал печататься в «Крокодиле» еще до выхода его первого номера. Каким образом? Очень просто.

Дело в том, что наш «Крокодил», как и положено всякому нормальному крокодилу, вылупился из яйца. «Яйцо» это называлось «Приложение к «Рабочей газете», выходило в свет по воскресеньям и публиковало на своих страницах всевозможные фото, зарисовки, а также сатирические фельетоны, стихи и карикатуры. «Приложение» было любимым детищем редактора «Рабочей газеты», знаменитого «дяди Кости» — К. С. Еремеева, отдававшего ему много времени, энергии, выдумки. Особенно был близок его сердцу сатирический раздел еженедельника: ведь Константин Степанович сам прекрасно владел острым публицистическим пером и его саркастические фельетоны не раз печатались в дооктябрьской большевистской печати.

Не удивительно, что сатирическая часть «Приложения» неуклонно расширялась из номера в номер, и вскоре оно, по существу, превратилось в самый настоящий сатирический журнал, у которого только не было своего имени.

По поводу происхождения названия «Крокодил» существуют разные версии, которые по сей день являются предметом споров между сатирическими старожилками. Не желая подливать масла в огонь этой постепенно затихающей дискуссии, я ограничусь простой констатацией факта: 13-й номер «Приложения» стал одновременно и 1-м номером «Крокодила».

Как в «Приложении», так и в «Крокодиле», начиная с первого его номера, рядом с работами таких прославленных мастеров, как Д. Мор, М. Черемных, И. Малютин, появлялись и мои работы. С тех пор прошло всего каких-нибудь сорок восемь лет, и я из начинающего кудрявого крокодильца превратился незаметно для себя в того лысоватого крокодильского ветерана, каким меня в беспощадно-дружеском стиле изобразил И. Игин.

Вот так...

К

В журнале «Крокодил» я начал работать в 1935 году. Продолжаю и сегодня. Круг тем очень большой. От древнейших времен до нашего времени. География обширная. Действующие лица в моих рисунках для журнала: люди, животные, птицы, рыбы и разные рептилии. Много внимания уделяю коровам и петухам. Стараюсь изобразить их так, чтобы они действовали. Действовали, помогая людям одолеть те явления, которые мешают нам жить и строить. Это благородная задача. Для творчества художника большой простор. Работа увлекательная. И большая тема и малая — все интересно и важно.

А. КАНЕВСКИЙ

*В животном мире заварушка.
Возник вопрос: а почему?
А потому, что все зверюшки
Хотят позировать ему.*

В. КАТАЕВ

В веселом цехе каждый рад
Его увидеть снова.
Сатиры нашей друг и брат
(Друг Ильфа, брат Петрова).

К

Впервые я переступил порог редакции «Крокодила» почти полвека тому назад. Вероятнее всего, это историческое событие произошло в ныне не существующем доме в Охотном ряду, против Колонного зала Дома союзов. До революции в этом доме помещался известный в Москве трактир Егорова, а при Советской власти, в первые ее годы, там разместилась «Рабочая газета» вместе с журналом «Крокодил», который на первых порах являлся как бы приложением к газете. Весь юмор и все своеобразие этой редакции заключались в том, что трактир Егорова сохранил всю свою обстановку: столы, елочки в кадках, прилавки, аквариумы с рыбками и даже какие-то отдельные кабинеты в виде каменных гротов. «Крокодил» помещался на третьем этаже. Сотрудники «Крокодила» сидели в гротах с разноцветными лампочками и за стаканами пива, которое не переводилось в бывшем трактире Егорова, так же как не переводились и бывшие официанты, — сочиняли свои фельетоны, придумывали темы и рисовали карикатуры, составлявшие весело смеяться московский и всесоюзный рабочий класс и кисло морщиться нэпманов, прогульщиков, хулиганов и все прочие темные пятна прошлого. Москва еще была в то время старая-престарая, по облику своему дореволюционная, а тираж журнала едва ли превышал десять тысяч. Теперь же, подымаясь на двенадцатый этаж новой редакции «Крокодила» и видя с высоты птичьего полета новую красавицу Москву, мне не верится, что полвека назад я впервые переступил порог «Крокодила», на всю жизнь ставшего моим родным домом.

К

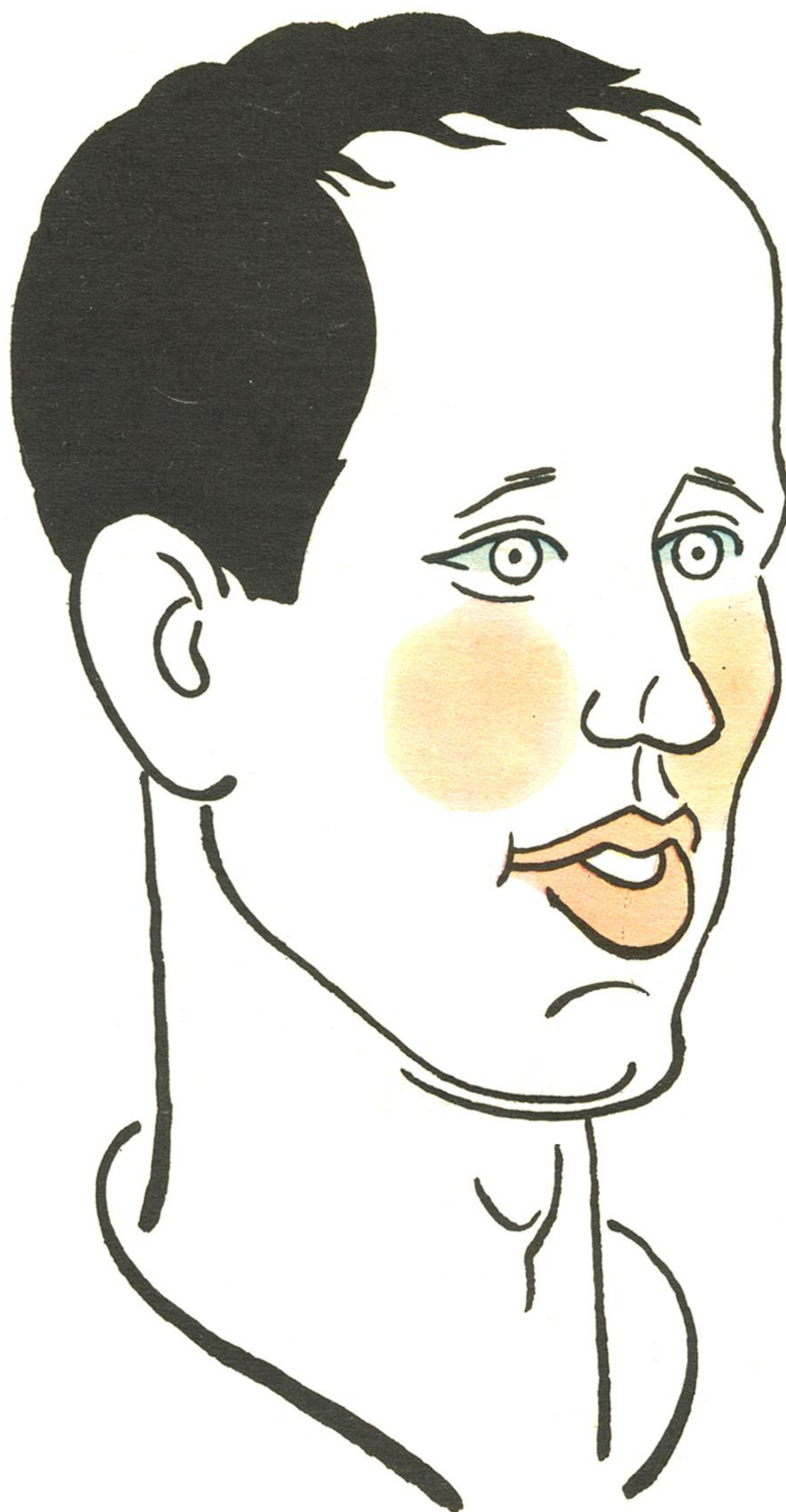
Весной 1960 года по симферопольским улицам ходил с «Крокодилом» под мышкой восемнадцатилетний человек и с ликованием глядел на прохожих. У человека был праздник. Каждые пятнадцать шагов он останавливался, открывал журнал и смотрел на свою фамилию — Р. Киреев — под бичующим порок восьмистишием.

«Как видите, — писал в письме обалдевшему от счастья автору многоопытный литературный консультант С. Шевелев, — дорожка на страницы журнала проторена».

Потом человеку исполнилось двадцать три, он почувствовал, что года к суровой прозе клонят, и написал первый в своей жизни конкретный фельетон — о злой Наталье из деревни Шекодино. Его напечатали.

«Хорошо», — сказал автор и укатил в новую командировку.

Тем и живы.

Р. КИРЕЕВ

*Он пишет в прозе и стихах,
Но не спешит за ручку братья—
Сначала должен разобраться,
До самой сути докопаться,
Причем с лопатою в руках!*

КУКРЫНИКСЫ

*Попав на иглы этой троицы,
Не мудрено всерьез расстроиться.*

К

Мне недавно стукнуло 200 лет. Родился я четырежды. Три раза в разных городах нашей Родины и один раз в стенгазете Высшего художественного училища. Окончил два раза графический и один раз живописный факультет. С тех пор и работаю, невзирая на мой возраст, переваливший уже на третью сотню. Последние 135 лет дружу с Крокодилом.

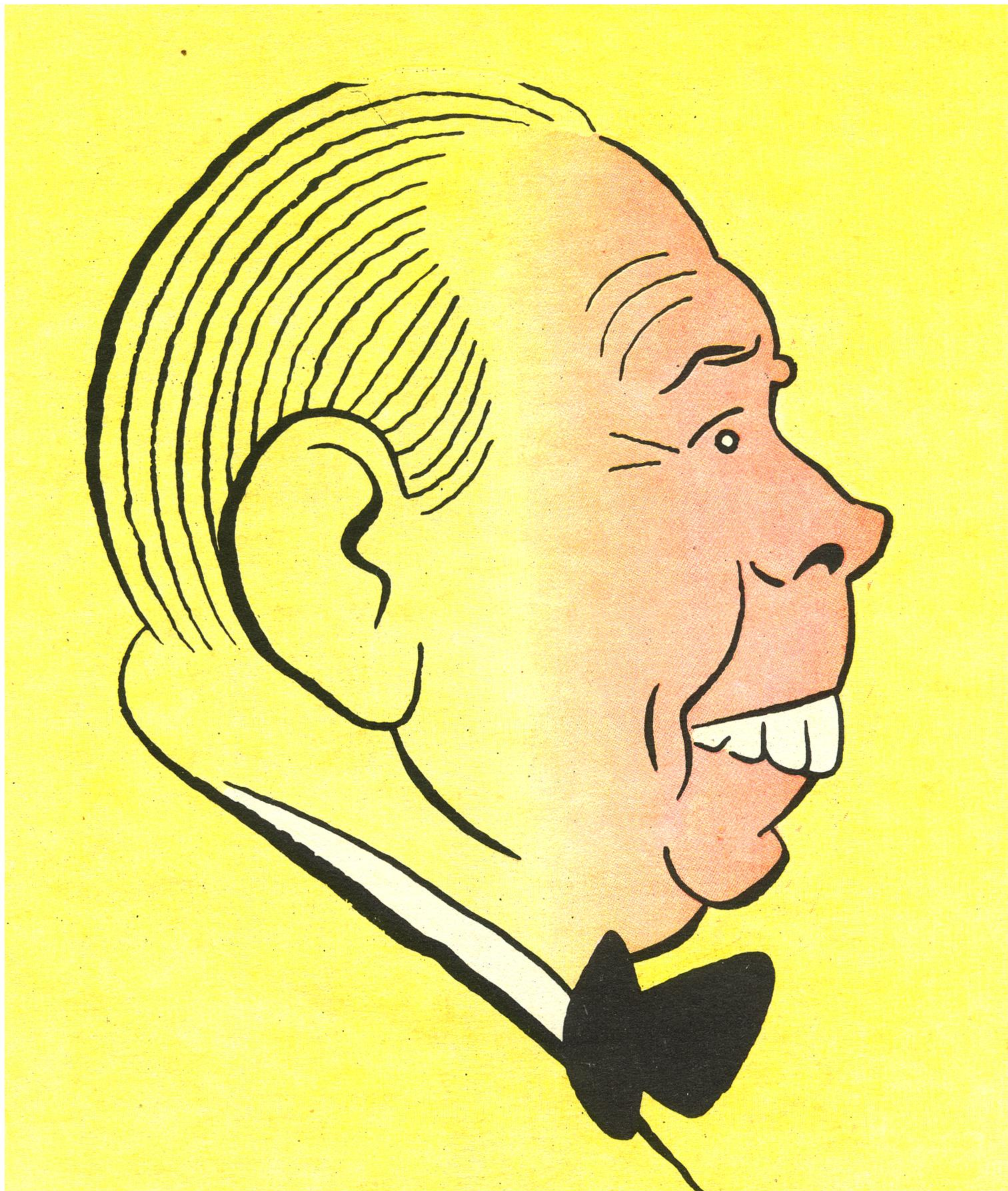

Л. ЛЕНЧ

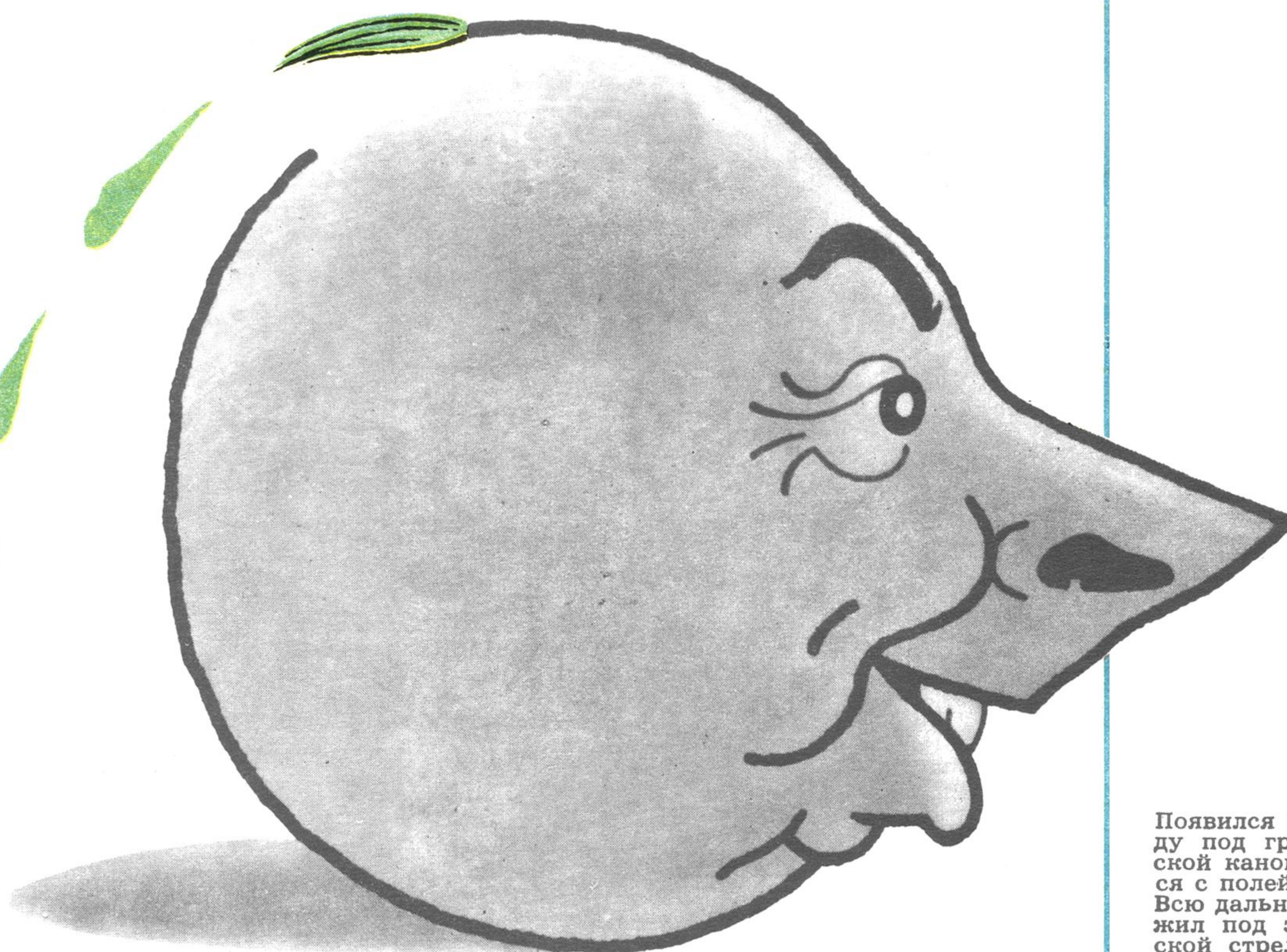
*От души желая вам успехов,
Видеть вас хотим на высоте,
На которой находился Чехов,
Будучи Антошей Чехонте...*

Л

Я постучался к «Крокодилу» в 1931 году. В ответ на мое робкое «разрешите войти» Крокодил грозно лязгнул зубами, взял в лапы вилы и... пустил меня на свои страницы.
В 1934 году, когда редактором «Крокодила» стал Михаил Кольцов, мои отношения с журналом обрели законно-штатную форму.
В 1938 году, когда я стал членом Союза писателей, эти отношения изменились. С того времени нас связывает свободная внештатная любовь, которая не ржавеет до сих пор.

Появился на свет в 1904 году под грохот артиллерийской канонады, доносившейся с полей Маньчжурии. Всю дальнейшую жизнь прожил под звуки артиллерийской стрельбы: война 1914 года, гражданская война и, наконец, блокадный Ленинград. Начиная с 1936 года печатаюсь в «Крокодиле» и в своих рисунках борюсь за то, чтобы грохот войны больше не повторялся...

Б. ЛЕО

Отнюдь не замкнутый здесь круг,
Проникнуть в суть предельно просто:
На первый взгляд художник кругл—
Рисует остро!

Л

Увидев свой первый рисунок в «Крокодиле», я с ужасом понял, что надо складывать пожитки и сматывать удочки.

Дело в том, что, окончив художественную школу, я стал писать портреты друзей и знакомых, причем преимущественно тех, кто после сеанса приглашал к столу молоденького художника с отменным аппетитом. Портретируемые хотели предстать перед потомками во всем блеске. Они требовали, чтобы я убирал морщины и прикрывал лысины буйными кудрями.

Но мои модели не ведали, что, придя домой, юный художник рисует на них язвительные шаржи. А когда «Крокодил» объявил конкурс на читательский рисунок, я придумал смешную карикатуру, причем лица для персонажей позаимствовал из своих домашних запасов. Месяц спустя эти гротесково искаженные физиономии смотрели на меня со страницы журнала. Поэтому вскоре после появления в городе дорогого для меня номера «Крокодила» мне пришлось тайно бежать на вокзал. Там я купил билет до Москвы и покинул родимый город.

Было это в 1929 году...

Н. ЛИСОГОРСКИЙ

Он любит шаржи рисовать,
Как поглядишь—мороз по коже.
Не передать. Не описать.
Непревзойденно: но... похоже.

В «Крокодил» зачислен с 1 января 1959 года. Это был новогодний подарок, но я до сих пор не знаю, благодарить ли мне за него Деда Мороза. Поручили сектор массовой работы.

С массами в основном общался письменно. Они мне присылали рассказы, я им — утешения.

Прочитал десятки тысяч рассказов средней и ниже средней юмористической упитанности. Штук семьсот опубликованы в журнале. Выловил из бурных волн «самотека» и вывел на публику М. Захарова, В. Панкова, С. Комиссаренко, С. Родионова, А. Саленко, С. Бодрова и других талантливых авторов.

Самому писать некогда. Все же за счет сокращенного обеденного перерыва выпустил два сборника рассказов — «Мои люди» и «Король-кондитер».

Ю. МАРТЫНОВ
(Редактор рассказов)

*Что ищет редактор рассказов упорно?
Он ищет простые жемчужные зерна.*

М

Стыдно сказать, но в «Крокодиле» я начал печататься поздно: первое мое стихотворение в этом журнале было напечатано совсем недавно — в 1943 году. Каких-нибудь 28 лет тому назад. Вскоре я стал печататься регулярно, уже в соавторстве с Червинским. В библиотеке «Крокодила» вышло 8 наших книжек. Выходит девятая, написанная уже после смерти моего многолетнего друга и соавтора. Как мало! Какой убогий итог! Почему же так получилось?

Так получилось потому, что все эти годы я позволял себе заниматься всякой побочной литературной работой в виде писания пьес и музыкальных комедий. Что делать — ошибка молодости!

Пусть же она послужит предостережением для всех теперешних молодых авторов «Крокодила»! Пусть и они через 28 лет не пожалеют о том, чего уже не вернешь.

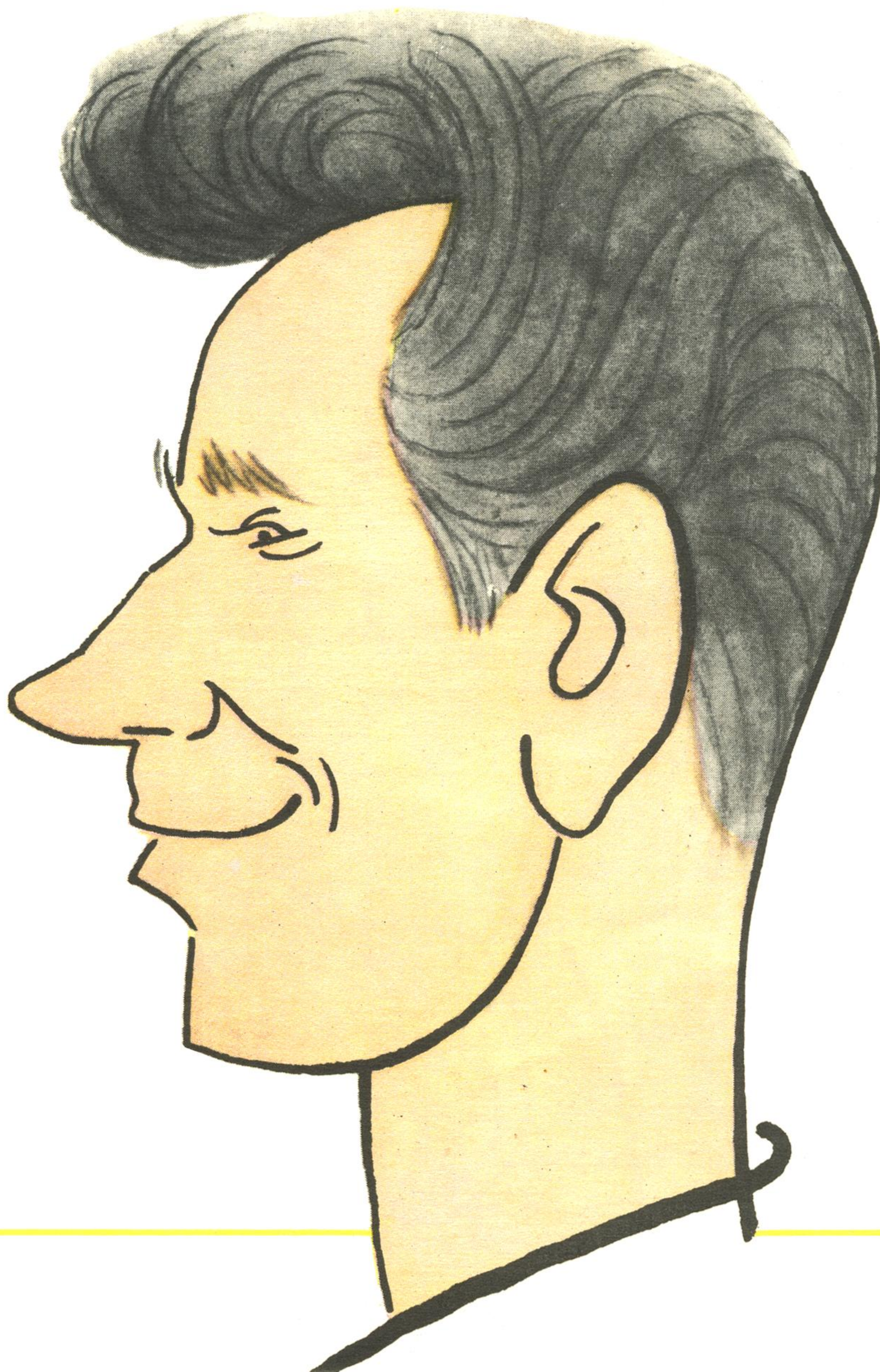
В. МАСС

Он сплеча зачастую рубит,
Нападая из-за... стола:
Молодых стихотворцев любит,
А любовь, как известно, зла.

Е. МАТВЕЕВ

Пишет он не без успеха,
Вызывая взрывы смеха.
Но дают оценку смеху
Не по смеху, а по эху.

М

В тот вечер мы играли в «дурачка». Происходило это в общежитии Московского энергетического института, где я учился на факультете промышленной теплоэнергетики.

Итак, мы играли в карты, когда в дверь легонько постучали.

— Не заперто! — отозвались мы. Но никто не вошел, и снова послышался стук.

Тогда я встал и с веером карт пошел взглянуть, кто это там за дверью стесняется...

А это был наш декан Арсений Михайлович Бакластов, и не один, а в составе комиссии, интересующейся студенческим досугом.

— Кто староста этой комнаты? — осведомился декан.

— Я, — сказал я.

— Так, — удовлетворенно сказал декан. — В «Крокодил» бы вас всех, а вот вас, как старосту, в первую очередь!

Так оно через три года и случилось, когда я стал специальным корреспондентом «Крокодила».

Вот к каким последствиям приводят некоторые нездоровые увлечения.

В. МИТИН

*В море конфликтов житейских
Пишет, по горло в делах,
В стиле полей Елисейских
Он о рязанских полях.*

М

Эта беда для «Крокодила» произошла в те годы, когда я был необыкновенно глуп и упрям. Сейчас бы этого не случилось, так как оба эти качества с годами потеряли свежесть и остроту. Но тогда...

Я как следует оделся и принес в редакцию рассказ объемом в шестнадцать страниц.

— Дитя мое, — кротко сказали в редакции. — «Крокодил» не печатает романов с продолжением!

Я сел в длинном сумрачном редакционном коридоре и стал мешать сотрудникам спокойно проходить из кабинетов в буфет и обратно.

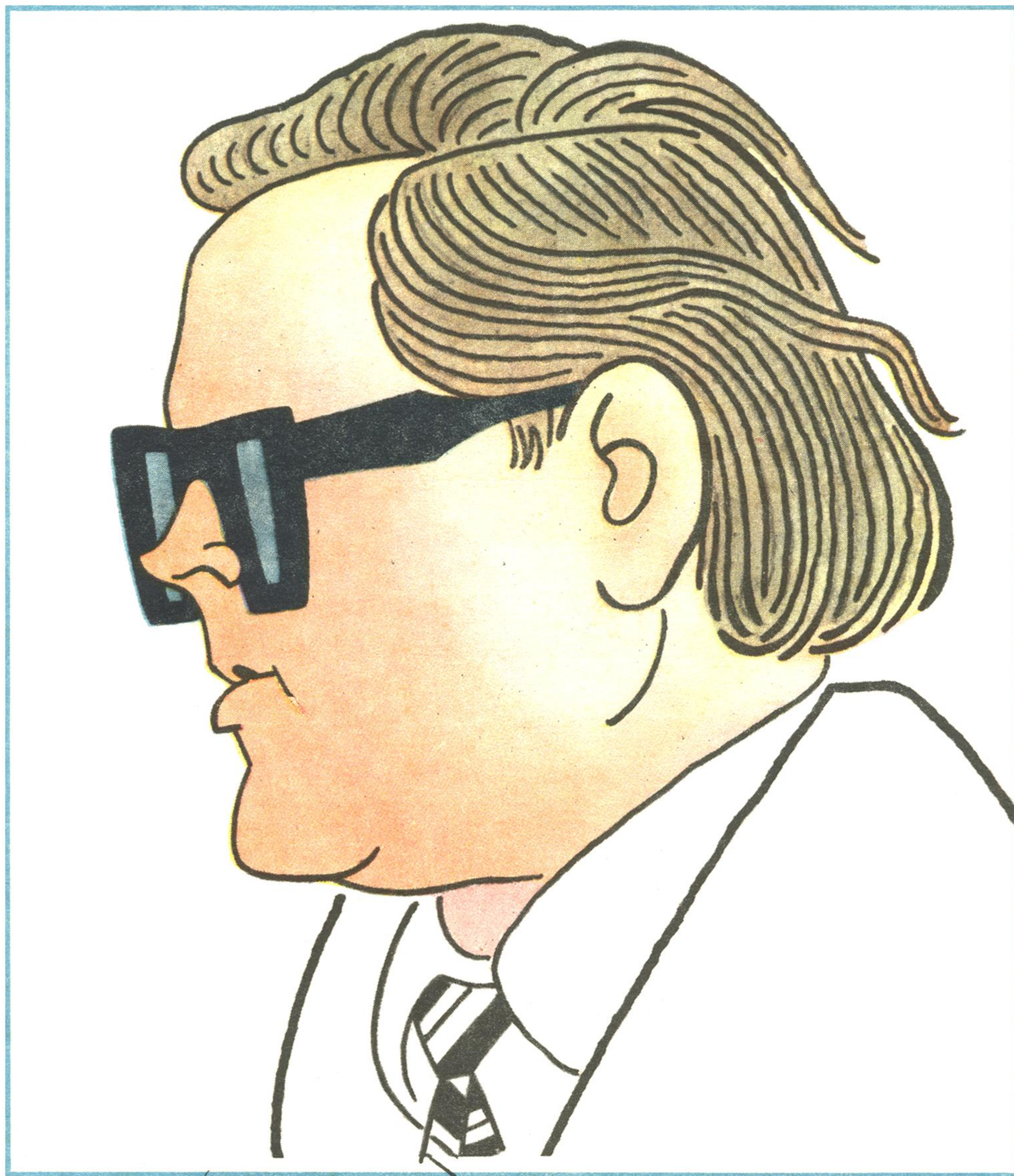
— О ч-черт, — споткнувшись о мои праздничные ботинки, говорили сотрудники. — Все еще сидит!

Чтобы отделаться от меня, кто-то из начальства придумал отдать мне рассказ для сокращения. Я подумал и тут же, не выходя из коридора и стиснув зубы, вычеркнул три слова: «однако», «благодаря» и «вопреки»...

Кто только не трудился затем над рассказом! А. Вихрев стругал его, Бор. Егоров вырубал целые куски, а Ю. Мартынов даже затупил свой новый редакционный рубанок. Но я все-таки не уходил.

Рубанок выбросили, а меня взяли. Типичный редакционный недосмотр!!!

Кстати, когда от рассказа осталось пять строк нонпарели, позвонил Нариньяни и сказал, что все это старый анекдот...

Родился 12 марта 1913 года, в год трехсотлетия дома Романовых. В канун Великой Октябрьской революции мне минуло четыре года. Первые детские воспоминания: «Вихри враждебные веют над нами...» и звуки выстрелов.

Первая басня написана в 11 лет. Она называлась «Культура» и кончалась моралью, что «Людям нужно помогать не только словом, но и делом».

Первое стихотворение опубликовано в 1928 году.

Первая книжка стихов вышла в 1935 году.

С «Крокодилом» всерьез подружился в 1948 году, когда журнал издал сборник моих басен «Слон-живописец». Подпольная кличка — «дядя Стёпа».

С. МИХАЛКОВ

Как баснописца не отметить!
Его талант, активность, пыл!
Крылов не смог его заметить,
А то бы так благословил!..

М

Н. МОНАХОВ
(Редактор раздела
«Нарочно не придумаешь»)

Нелепости собрав в раздел,
Он всех сатириков раздел.

На факультете журналистики МГУ сатиру и юмор преподавал главный редактор «Крокодила». Он часто морщился, слушая мои остроты, но зачет все же поставил. Это меня вдохновило.

— Мне хотелось бы работать в «Крокодиле», — заявил я, получив зачетную книжку. Он понял свою оплошность, но уже было поздно. — Ступайте в отдел писем, может, там что-нибудь подберут для вас, — со вздохом сказал он.

В отделе мне вручили письмо, присовокупив:

«Прочтите и напишите ответ автору».

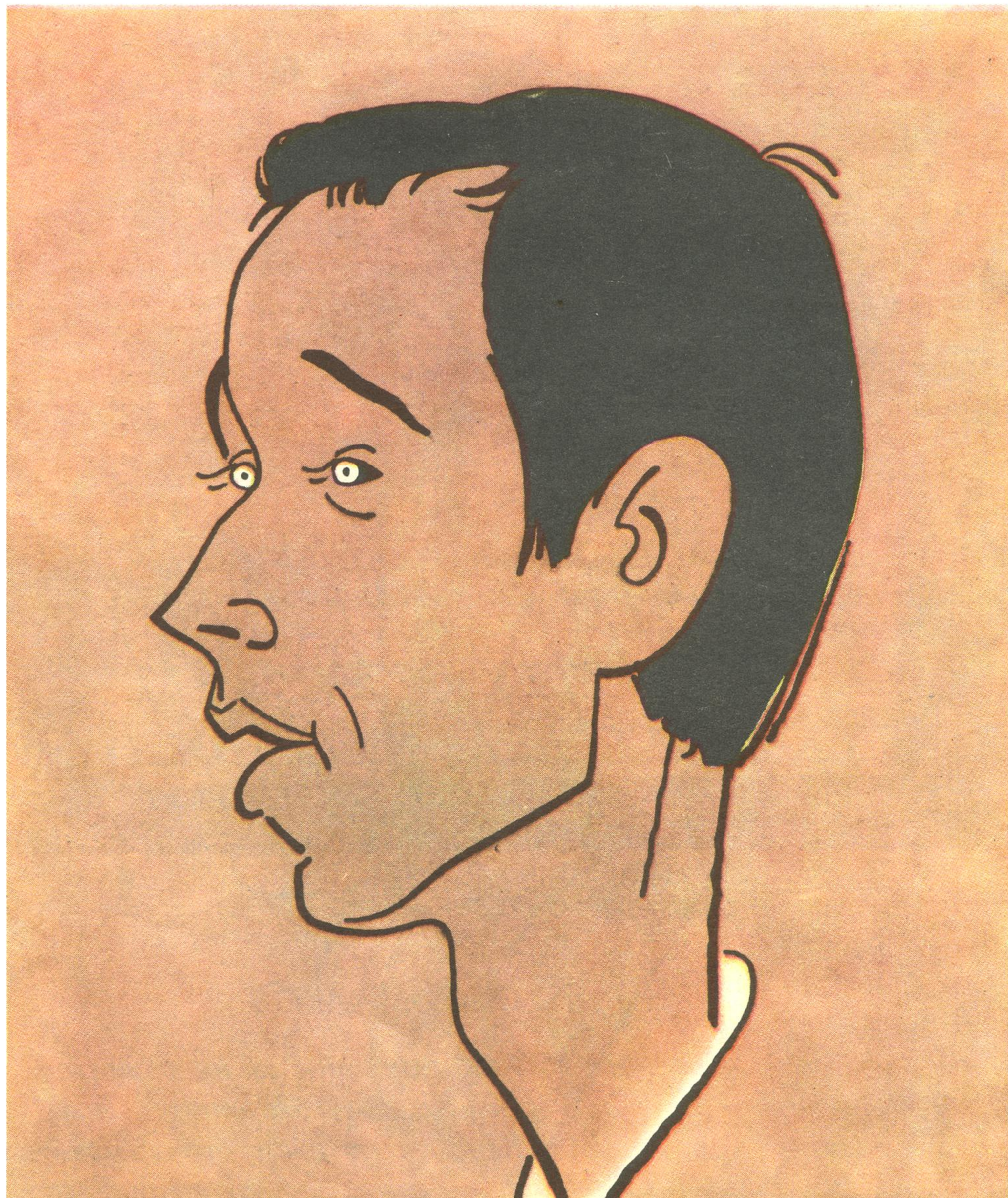
В письме говорилось, что в одном общежитии решили выпускать сатирическую стенгазету «Зоркий циклоп». Поручить это дело предполагалось товарищу по фамилии Король. «Сообщите, каков порядок назначения редакторов сатирических стенгазет», — просил автор. Я ответил: «Уважаемый товарищ! Избрать Короля вы можете на общем собрании».

Мои крокодильские коллеги почему-то захохотали.

— Подойдет... для «Нарочно не придумаешь», — сказали мне. — А знаете что, займитесь-ка всерьез этим разделом.

С того дня прошло десять лет. За это время я прочитал 186 тысяч писем, присланных для разделов «Нарочно не придумаешь» и «Мимоходом», ответил на 162 тысячи писем, не ответил на 24 тысячи (анонимам я с первого дня зарекся отвечать). Занятый этой работой, мимоходом выпустил две книжки фельетонов и рассказов.

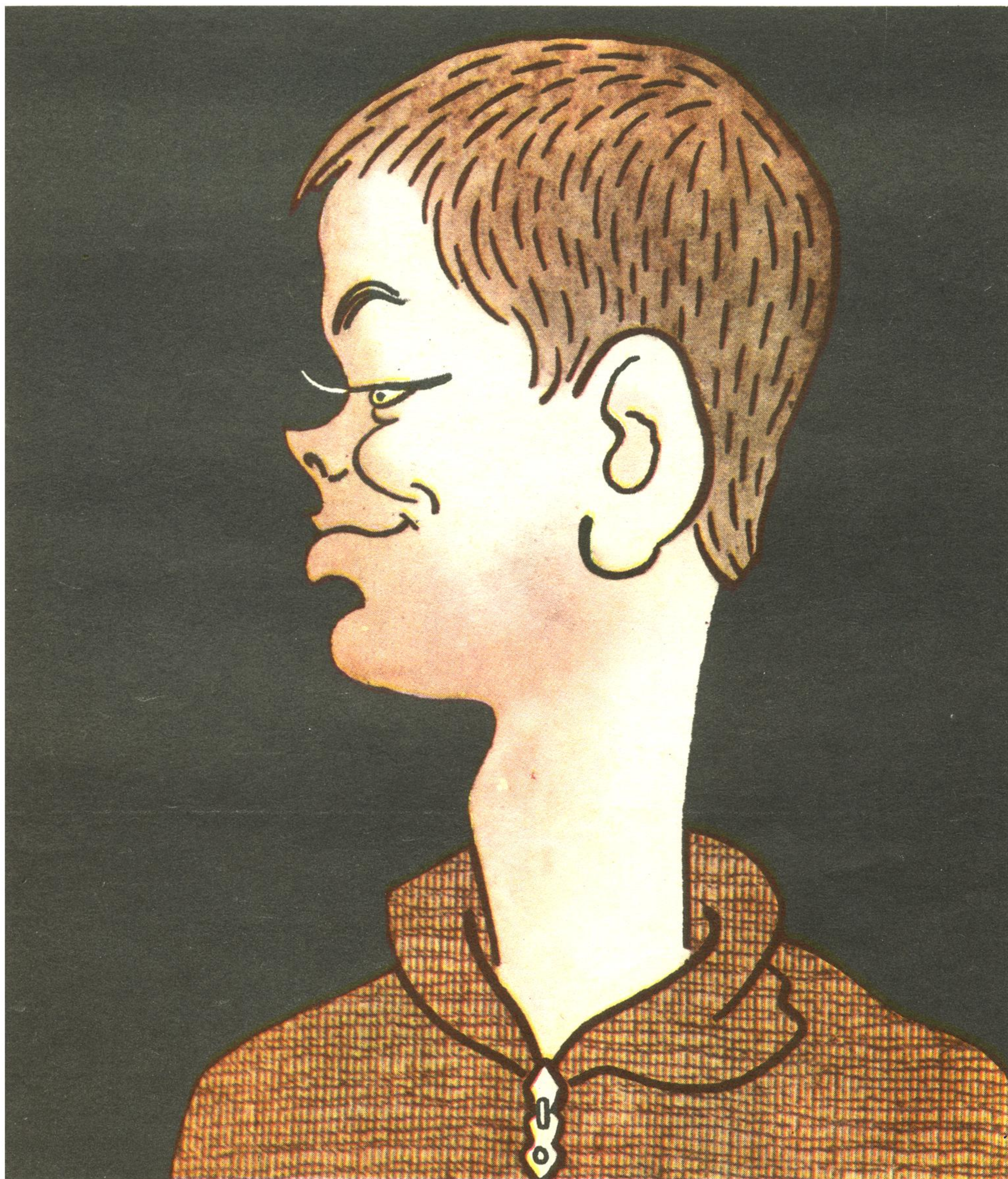
Выговоров у меня пока нет, но главный редактор по-прежнему считает, что зачет по сатире и юмору он мне поставил преждевременно.

А. МОРАЛЕВИЧ

Он страну чуть не всю обошел,
Фельетонов написана грудa,
Нам, читателям,— хорошо,
А героям сатирика — худо.

М

Первый раз пришел наниматься в редакцию одиннадцать лет назад. Принес афоризмы, темы рисунков, скетчи, роман «Авраам, Исаак и ДОСААФ». Не было жанра, который я не обидел за предшествующий творческий путь.

Попал к штатному сотруднику. Был уязвлен тем, что с криком «Ой, кто к нам пришел!» штатный не созвал всех взглянуть, поразиться мною.

Мягко, как больному ребенку, штатный разъяснил, что я литературный подросток, схватываю на стенде всего лишь стреляные гильзы из-под ног мастеров.

Была россыпь мотивировок, я уехал, вполне убежденный, что пока подхожу «Крокодилу» лишь по здоровью.

Через три года я снова пришел, с той поры состою специальным корреспондентом. Это нужное, большое искусство — мягко отказывать, ибо кто знает, с кем потом придется работать.

Н

На заре туманной юности автор написал, а журнал «Смена» напечатал лирико-драматический рассказ «На воде». Кроме воды, в рассказе присутствовало и некоторое количество весны и любви. Героями рассказа были три студента. Хорошие Петя Орлов и Таня Плотникова любили друг друга. Но тут появляется нехороший студент Григорий Посталовский и начинает строить козни против хорошего Орлова, чтобы отбить у него хорошую Таню Плотникову. Вот все.

Сюжет, как видите, несложный, наивный и тем не менее... На беду автора в Москве жил второй Григорий Посталовский, вовсе не студент, а препаратор анатомического музея на Пироговке, и он прислал грозное опровержение.

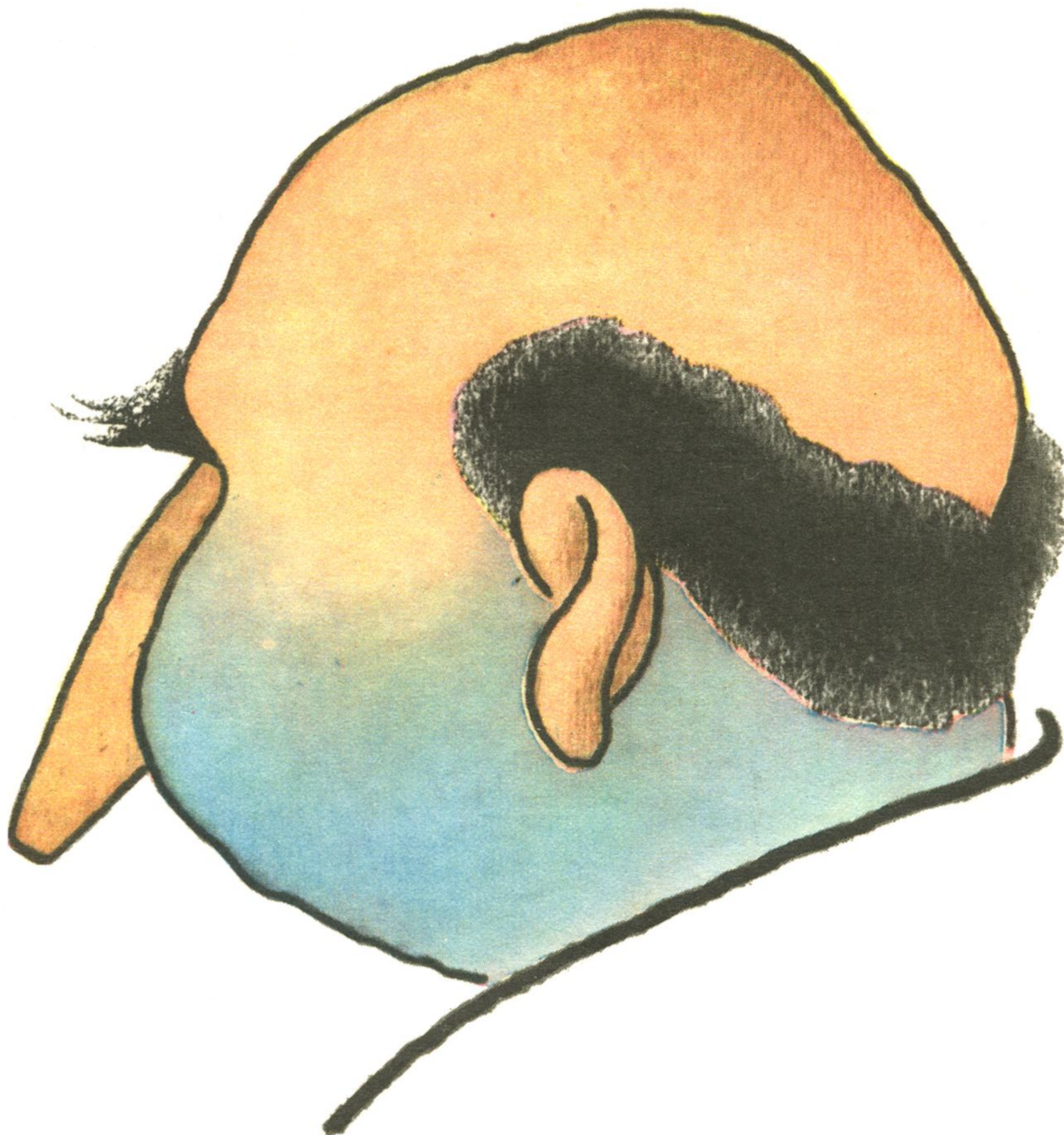
«Моя супруга, в девичестве Анна Пономарева, — писал он, — именуемая в вашем пасквиле почему-то Татьяной Плотниковой, в амурной связи с заведующим овощной палаткой гражданином П. Орловым не состояла. Вместо того, чтобы слушать наветы нашей соседки Протопоповой, редакция лучше б взяла и проверила, почему Орлов вешает капусту на неклеяемых весах».

Под конец опровержения двойник Посталовского угрожал при встрече с автором «На воде» избить его.

Посталовский Второй не только угрожал, он вскоре и сам появился в редакции. Это был могучий тридцатилетний мужчина без какого бы то ни было чувства юмора во взоре и с толстой кизиловой палкой в руке...

В результате беседы автор уяснил себе, что заниматься изящной словесностью — дело хлопотное, небезопасное. Автор решил попытать счастья в менее опасном, как ему казалось тогда, жанре — фельетоне. В фельетоне приводятся подлинные фамилии и адреса, так что там всякие недоразумения исключены, наивно полагал я.

И следующее свое произведение «Порхающий прохвост» автор принес в «Крокодил». Так я на всю жизнь связал свою судьбу с сатирическим жанром и с сатирическим журналом.

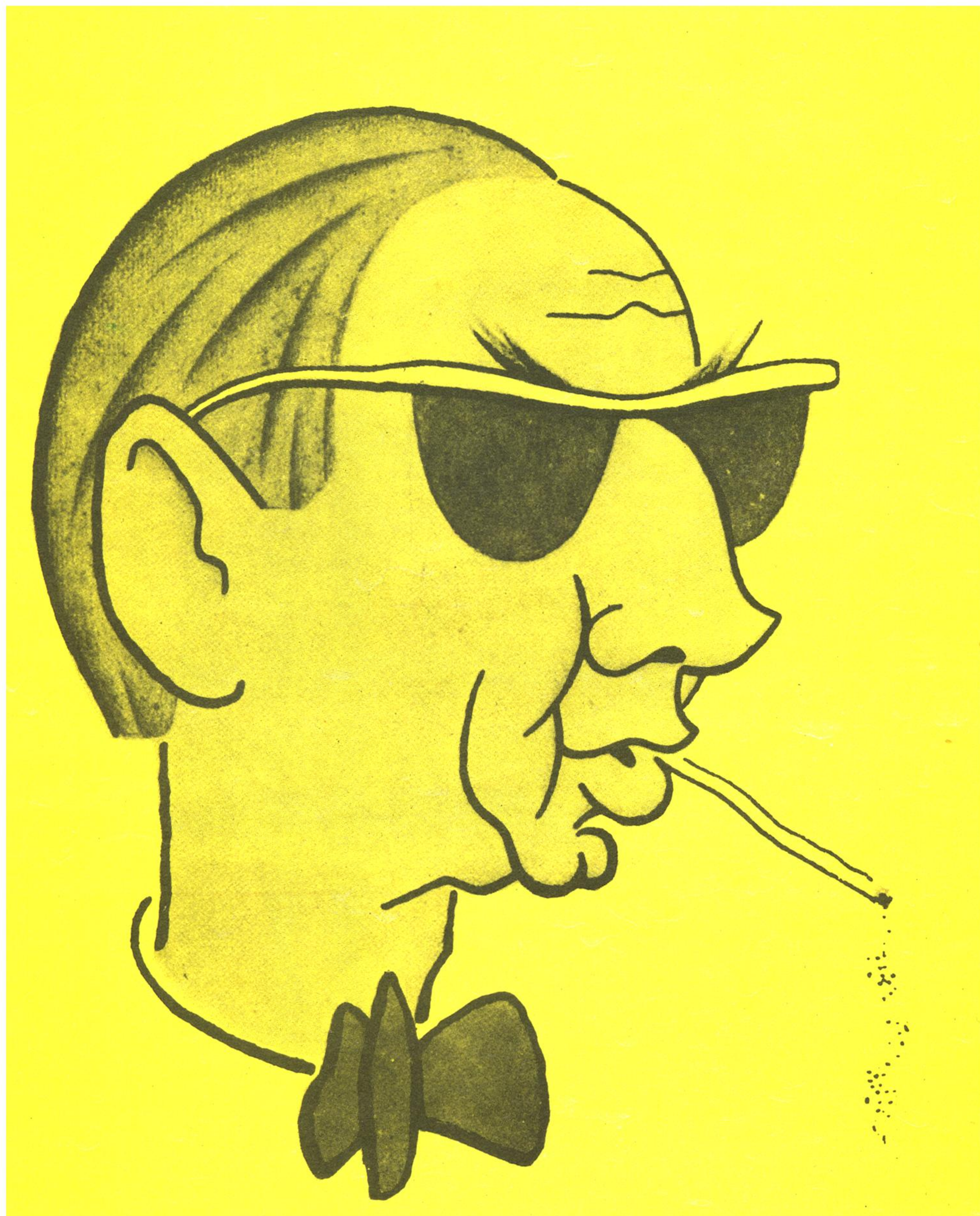
С. НАРИНЬЯНИ

*Фельетоны, фельетоны,
Бюрократы и пажоны,
Дураки и карьеристы...
Горек хлеб фельетониста!*

В. ПОЛЯКОВ

*Заслуженный сатирик Поляков
Всю жизнь разоблачает дураков.
Неужто Полякову непонятно,
Что дуракам-то это неприятно?..*

П

Это было в 1946 году. Я пришел в кабинет к тогдашнему главному редактору «Крокодила» Григорию Ефимовичу Рыклину. Я принес рассказ. Рыклин прочел его, ни разу не улыбнулся и сказал: «Напечатаем». И рассказ был напечатан в «Крокодиле». Через две недели я принес второй рассказ. Рыклин читал его и очень смеялся. — Мы его не будем печатать, — сказал он, задыхаясь от смеха. И вот до сих пор я не могу понять ни первого случая, ни второго (хотя история и повторяется).

Р

Как я начал печататься в «Крокодиле»? Не помню. Склероз дает себя знать, и я никак не могу вспомнить, как это со мной стряслось, почему вдруг я начал печататься в «Крокодиле».

Но хорошо помню, что меня там долгое время не хотели печатать. Очень ласково уговаривали обратиться в другой журнал. Сулили радужные перспективы, если я не буду тревожить своими произведениями читателей сатирического журнала.

Но я был упрям. И в конце концов я проник на страницы «Крокодила».

Дело было так. Я послал в журнал очень смешной рассказ. Гоголь, Марк Твен, Аверченко должны были позеленеть от зависти. Но... Но они не позеленели. И редакция вернула мне мой талантливый рассказ с резолюцией «Не пойдет».

Я послал другой рассказ, почти гениальный. Опять не приняли.

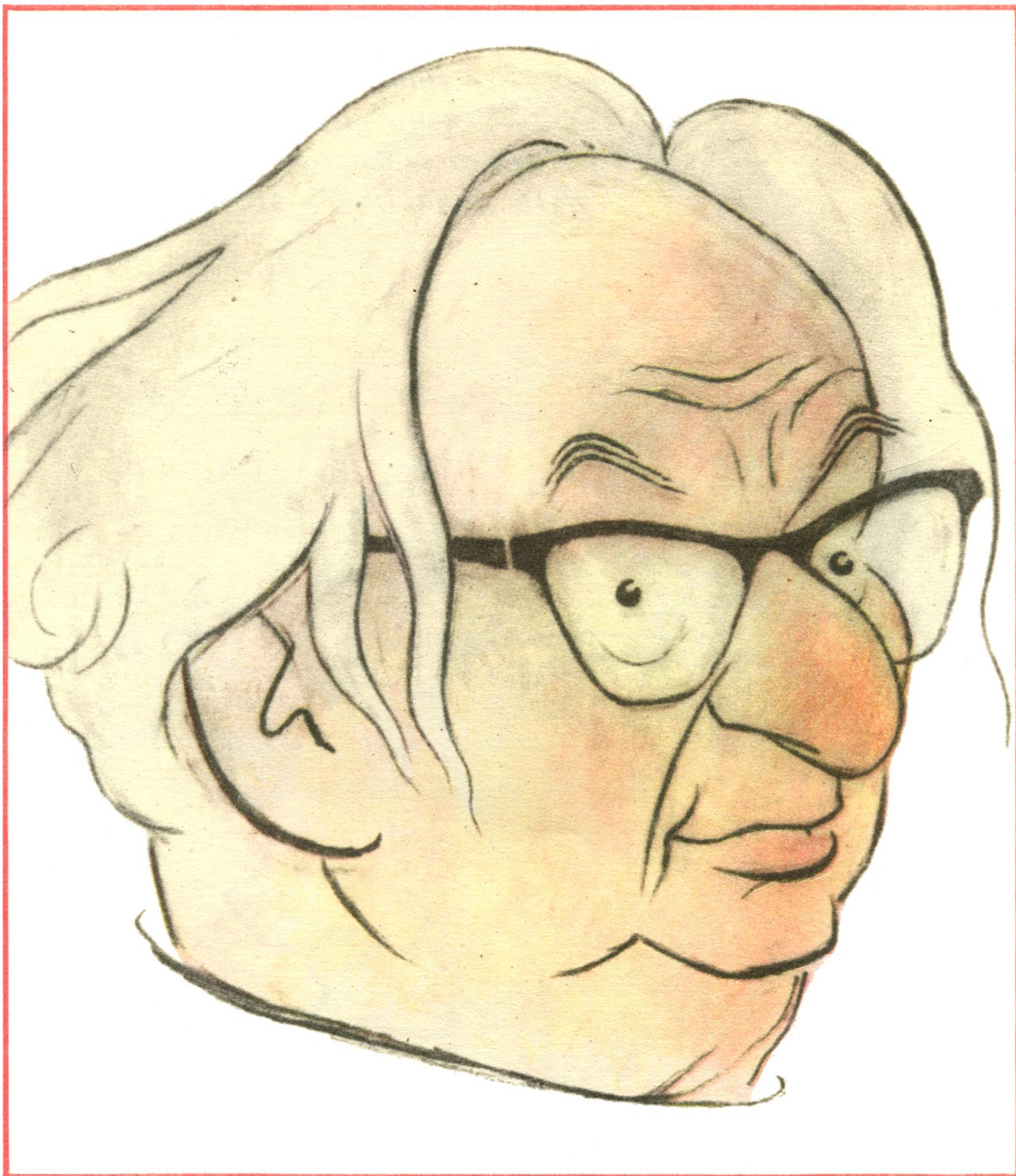
Вот тогда-то я по-настоящему обиделся. И написал в редакцию сердитое письмо, приложив к нему свой первый рассказ, который был забракован.

«Что же это такое? — писал я. — Засели в редакции черствые люди, печатают только своих, не дают дорогу молодежи. Затирают таланты. Я не буду молчать! Я найду на вас управу!»

Что же вы думаете? Напечатали.

Не рассказ напечатали. А мое письмо. И заглавие дали очень смешное. Не помню, какое, но очень смешное и обидное. Не буду цитировать.

Вот таким образом я пролез в «Крокодил».

Г. РЫКЛИН

Мы все у Рыклина в плену.
Моложе Пимена Григорий,
Но сколько выдумал историй!
А тот писал всего одну...

И. СЕМЕНОВ

Со своих реалистических позиций
Втолковать ему никак мы не могли,
Что грозит многофигурность композиций
Перенаселением земли.

Жизнь моя длится настолько долго, что я с трудом вспомнил год своего рождения — 1906-й. Желающих изучить мою биографию более подробно отсылаю к комплектам «Крокодила» начиная с 1930 года.

С

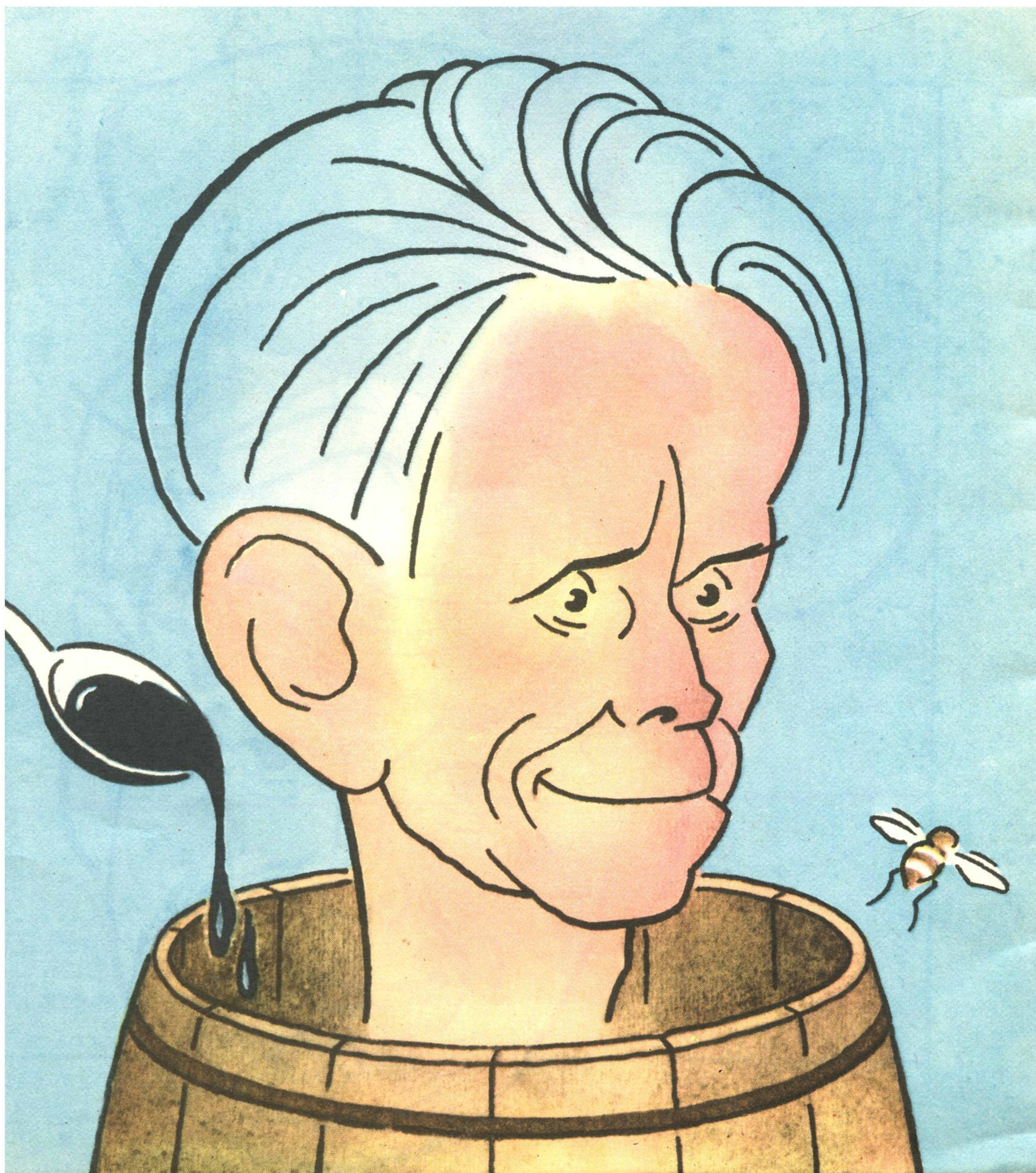
С. СМЕРНОВ

Поэт Смирнов предельно
Ясен.

Известный автор сотни
Басен.

С

«Крокодилу» я обязан тем, что именно с его страниц зазвучали мои стихи. Это произошло в 1938 году. Вот именно с этого года и до сих пор я продолжаю печататься в этом журнале и считаю его своим «крестным батей».

С

Родился довольно давно в местечке Ильинцы, на Украине. В 1928 году переехал в Харьков, потом в Москву и стал печататься в журналах и газетах. Знакомство с «Крокодилом» состоялось в 1931 году. Помимо сотрудничества в журнале, занимаюсь станковой графикой, иллюстрацией книг. В Ильинцах после никогда не был: земляки могли подумать, что я приехал рисовать на них карикатуру...

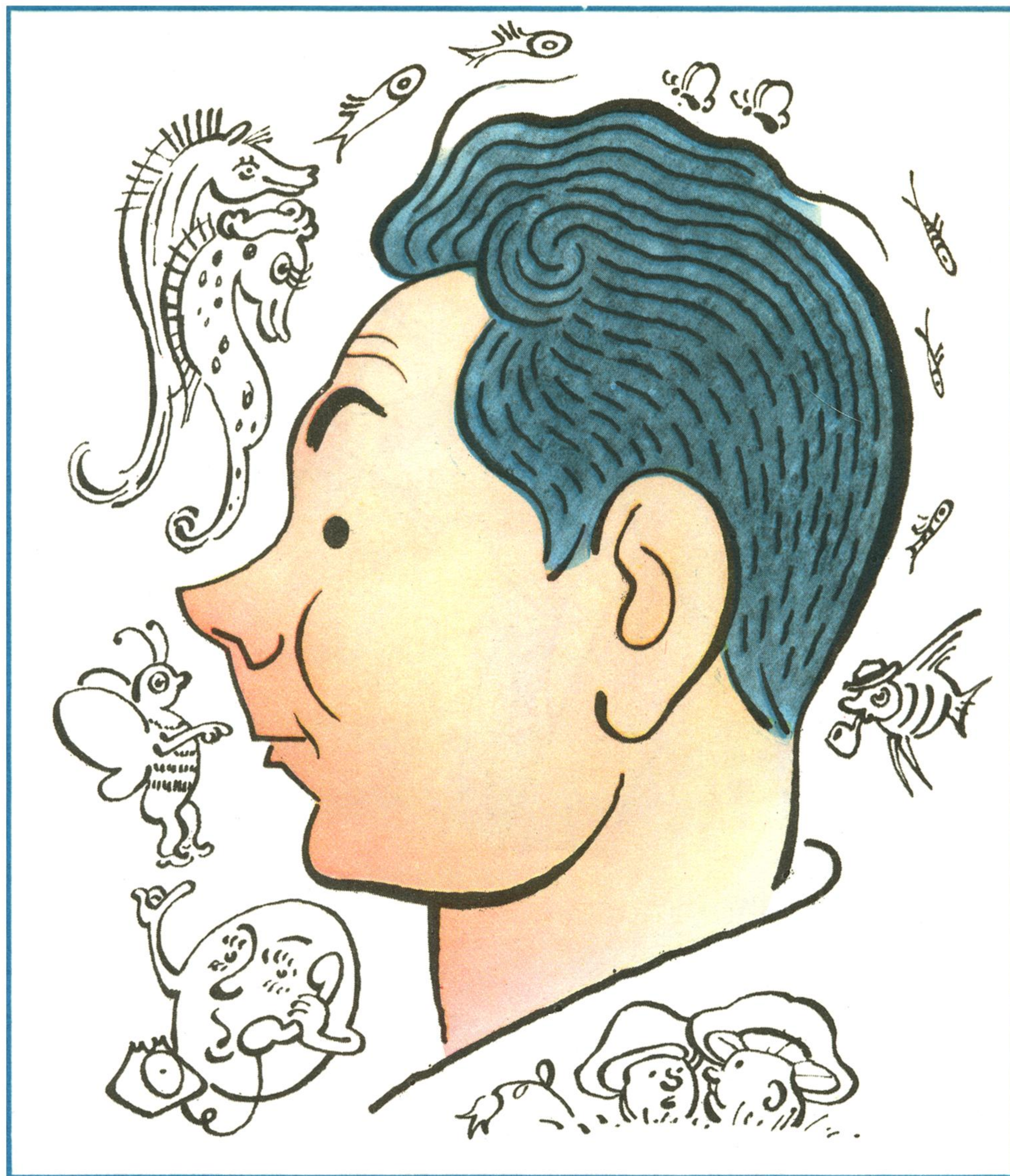
Л. СОЙФЕРТИС

Сухая кисть (простите термин этот)
И сочный, яркий стиль—его любимый метод!

Ф

Родился в 1929 году, рос пай-мальчиком, любил кошек и собак, не обижал девочек, уважал взрослых. В 1949 году познакомился с «Крокодилом». После этого издеваюсь над кошками и собаками, смеюсь над девочками, критикую взрослых, что дальше будет — ума не приложу...

Ю. ФЕДОРОВ

Ангелочков он рисует
Так, что даже бог пасует.

Свершилось это случайно. Я работала в одной хорошей московской редакции. Все шло благополучно. Ездила, писала, печаталась. И не мыслила о «Крокодиле».

Но вот угораздило меня написать маленький фельетон, который назывался так: «На что обиделся Гусев». А оный Гусев обиделся на то, что его называли в стенгазете джентльменом. И начал тяжбу с редколлегией.

Но это мое гениальное сочинение редакция забраковала. И тогда обиделась Цугулиева.

— Ах, так! — сказала она. — Я вам покажу. Эту заметку я отдам в «Крокодил», и ее напечатают.

И надо же было! Действительно «Крокодил» напечатал.

Было это в 1949 году.

Говорят, лиха беда — начало. После этого журнал опубликовал несколько моих мелочей. Однажды послал в командировку в Челябинск. Потом — о радости! — был напечатан юмористический рассказ «Дела семейные».

А во время одного моего посещения редакции этого ставшего для меня милым журнала некто Н. Д. Баженков подошел ко мне и тихонько сказал:

— А не хотели бы вы перейти к нам в штат?

— Хотела бы! — брякнула я, не подумав.

Впрочем, подумав, я сказала бы то же самое.

И вот я тут.

Уже 15 лет. В некотором роде юбилей.

Е. ЦУГУЛИЕВА

Подчеркнем для порядка
Очень важный момент:
Осетинская хватка,
Крокодильский акцент.

С. ШАТРОВ

Овладев приемом новым,
Испытал его не раз.
Сходит в гости к Васюковым —
И опять готов рассказ.

Ш

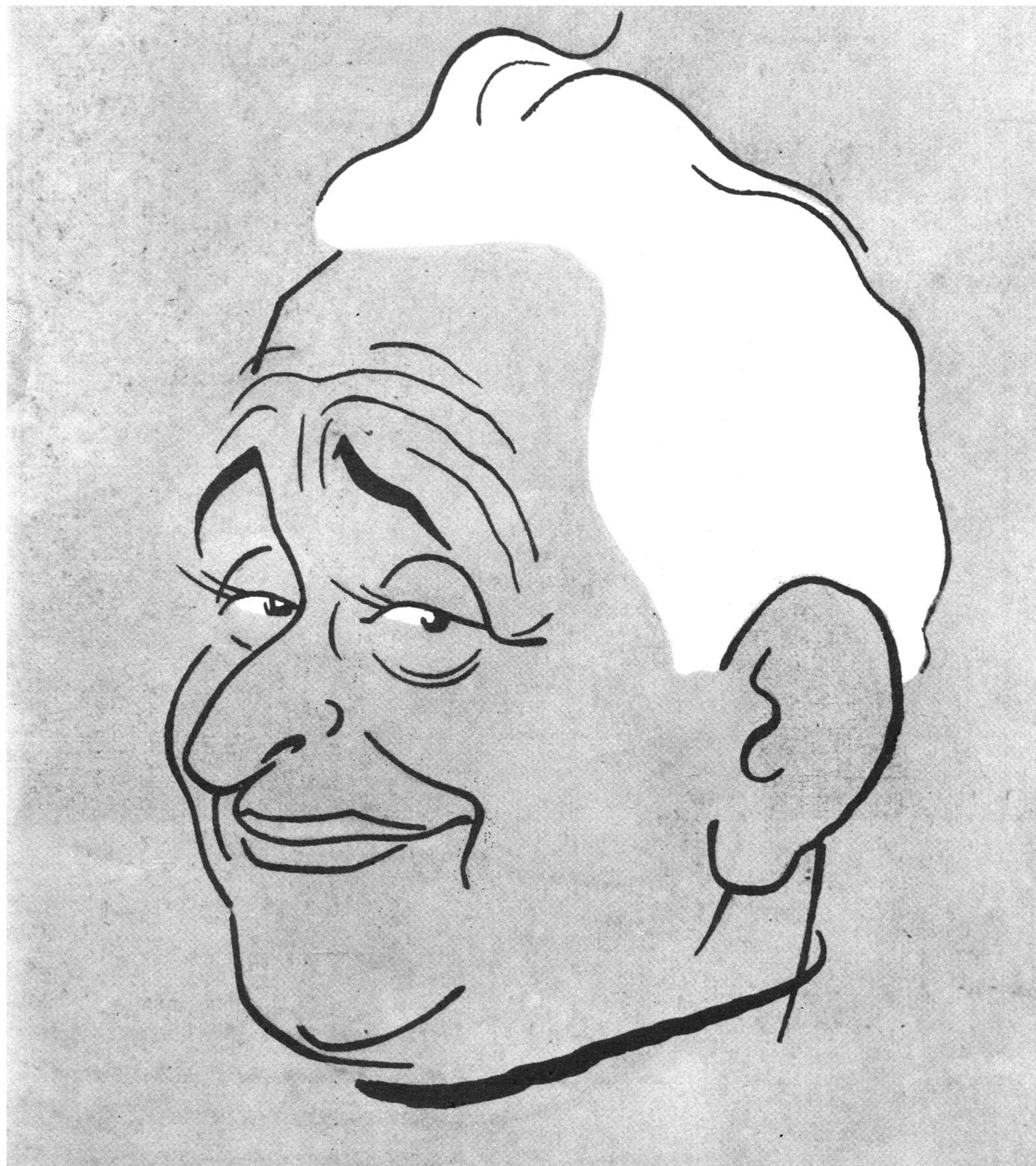
Отчетливо помню жаркий, весь в солнечных бликах день, когда я на холодеющих, ватных ногах вполз в веселые апартаменты «Крокодила».

— Жень, куда мы идем? — сказал я своему бывшему соавтору. — На что мы надеемся? Мы же несем литмакулатуру. В лучшем случае нас спустят с лестницы под улюлюканье маститых сатириков.

Евгений Шатров вытер потные ладони о модные штаны и начал подниматься по лестнице. Он всегда был храбрее меня. Мы сдали рассказ и поспешно ретировались.

Спустя неделю мы снова отправились в «Крокодил». То было мучительное путешествие. Время от времени, когда один ослабевал от страха, другой нес его на руках. Рассказ приняли.

Я давно пишу один. Но до сих пор, когда я несу в «Крокодил» готовую продукцию, в коленках ощущается легкая вибрация...

Е. ЩЕГЛОВ

Щеглов в искусство
Вписывает имя
Карандашами.
И притом цветными.

Ш

Ровно полжизни, а точнее, последние двадцать два года, я рисую для «Крокодила».

Сначала постигал искусство карикатуры в кружке под руководством большого мастера сатирической графики Б. Пророкова. И вот в первом номере за 1949 год состоялось мое посвящение в крокодилы.

На первых порах старался рисовать в некоей «средне-арифметической» стилевой манере, чтобы ничем не отличаться от группы моих молодых коллег-художников. А потом понял, что чем больше в искусстве близнецов, тем меньше искусства. И вот я взял пастель, уголь, цветные карандаши и нашел себя в новой манере.

Правда, сейчас я на выборной руководящей работе в Правлении Союза художников РСФСР, где мне приходится чаще работать фиолетовыми чернилами, чем красками. Но я не унываю и иногда подмахиваю официальные бумаги фиолетовой пастелью — чтобы не разучиться ею пользоваться.

ИГИН ШАРЖИ

АЛЬБОМ
КРОКОДИЛА

ИОСИФ ИГИН
ШАРЖИ
Редактор В. Стацинский
Оформитель В. Дмитрюк
Композиция обложки Л. Сергеева

А 00188
Подписано к печати 24/XI 1970
Объем — 3,48 усл. печ. листа
Формат 70 × 90/12
Тираж 100 000 экземпляров
Издательский № 1130
Заказ № 2345

Издательство «Правда»

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 30 коп.

ЭПИГРАММЫ
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВА,
АЛЕКСАНДРА
РЕЙЖЕВСКОГО

